CHRONOS

Сергей Раст

...время есть не что иное, как следствие движения во времени.

Annotation

Профессор физики не думал, что в научный модуль придёт единственный выживший после провала двойной экспедиции по изучению пространственно-временной петли. И все ничего, но однорукий сталкер-ветеран с поясом шахида поставил ему невыполнимый ультиматум…

- ○ Глава 1

Chronos

Глава 1

Кронос

0.

– Профессор, к вам направляется посетитель. Говорит, прибыл с Севера. У него есть наш контейнер и сопроводительные документы от «Tesla Corp».

– Пропускай, Руст.

Лицо наёмника пропало с объектива камеры. Попов Роман Борисович, или Борисыч, откинулся на кожаное кресло в ожидании визитёра с якобы ценной породой. Стандартная процедура, рутинная и скучная.

Вошедший в лабораторию посетитель показался профессору смутно знакомым. Покатый лоб, небритость, задумчивый взгляд – он видел этого человека раньше. С другой стороны, мало ли незнакомцев ошивается каждый день рядом с научным модулем и предлагают услуги, или, например, сбывают сырьё.

Приняв контейнер с благодарностью, физик снял опечатанную пломбу, подготовил накладную для вскрытия. Так того требовал Протокол – священная бумага для любого учёного-практика в Заповеднике. Иначе он сильно потеряет в зарплате и премиальных. Камеры денно и нощно следили за персоналом модульной станции. Плюс «немного бюрократии» создавало видимость законного бизнеса, что являлось лишь тонкой ширмой для по-настоящему прибыльных сделок.

Датчики-анализаторы, встроенные в ящик, говорили о слабой радиоактивности и диалектрической природе материала. Доставать очередную пустышку, что было верным на 90%, сотрудник лаборатории не торопился. Вначале краткий опрос диггера, и уже потом всё остальное. Это в кино всё просто и в играх.

Повернувшись к посетителю, профессор обнаружил, что у него кое-чего не хватает. Правый рукав куртки безжизненно висел в воздухе. Выходило, всё это время гость управлялся одной рукой. Надо же, поглощённый работой, проф не обратил никакого внимания.

– Кто вы такой? – задал физик стандартный вопрос.

– А вы меня не помните? В предыдущую встречу у меня было две руки.

На лице у гостя сквозила плохо скрываемая неприязнь. Заметив, что Роман Борисович в замешательстве, он добавил:

– Я был в отряде капитана Ерёмина. Рядовой Кузин. Военный исследователь, работаю по договору подряда на корпоратов. Вернее, работал. У меня есть документы.

– Не слышал. – пожал плечами проф, принимая равнодушный вид.

– Слышали. Думаете, положили результаты рейда экспедиции под сукно, то о нём можно забыть? А я прекрасно помню, как вы отдавали последние распоряжения, перед тем как отправить группу на Холмы.

Профессор взглянул на Кузина более пристально, пытаясь понять по его лицу, что ему нужно.

– Это закрытая информация для посвященных. – устало заметил Попов. – На этом разговор окончен. Я не собираюсь с вами разглагольствовать о деталях засекреченной операции.

– Круто взяли, профессор! Только вам придётся со мной поговорить. Как мужик с мужиком, без свидетелей и камер.

– Не стоит, охрана разберётся.

Проф собирался нажать тревожную кнопку, но глазастый Кузин его предупредил:

– Нажмёте тревогу, и я взорву всё в радиусе десяти метров. Так что отключайте камеру нахрен!

Рука профессора замерла на полпути к тревожной кнопке.

Рядовой Кузин расстегнул парку.

Перевитые проводами куски тротила торчали в каждом кармане разгрузки, образовывая единый контур. Пучки разноцветных жилок сходились на поясе шахида, куда умелец приделал дисплей и два индикатора – зелёный и красный. Отдельно от него подрывник вывел короткий провод, на конце которого болталась крошечная кнопка.

Роман Борисович очень быстро почувствовал себя неуютно в душном кабинете. А ведь это всё наяву, не больная фантазия, не морок.

Явь, подкреплённая серьёзным выражением лица военного «диггера», как порой называли исследователя-контрактника.

– Интересно, а как вы протащили это барахло в лабораторию мимо охраны?

– Экранирующие материалы плюс пустой рукав. Что взять с однорукого ветерана, который вызывает своим видом жалость.

– Думаете, взрывчаткой вы напугаете русского учёного, который пять лет якшается с разным сбродом? Я чего только не повидал. Хотите говорить, выкладывайте, или идите к какому-нибудь мозгоправу. А лучше выпейте, как следует! – вспылил Борисыч, глядя прямо в глаза этому странному Кузину.

– Я слышал, что вы человек кремень. Что же, люди не врут. Вас не напугаешь. Я пришёл поговорить без свидетелей. Думаю, вы захотите узнать, что же произошло на Холмах пару месяцев назад, где в полном составе нае… погибла моя группа. Поэтому, давайте без всякого дерьма. Я уже давно положил на свою жизнь, и нервы стали ни к чёрту. Руки дрожат.

– Но почему пояс смертника?

– Я подрывник, специальность у меня такая. Решил добавить немножко драматизма. Считайте это профессиональным бзиком. Глядишь, более содержательным получится разговор.

Профессор включил импортную кофеварку, выбрав себе латте.

– Ближе к делу, раз пришли без приглашения! – сказал он, глядя на часы. – Я не собираюсь с вами трепаться без обеда.

– Хорошо. Я пришёл сказать, что ваша работа по исследованию пространственно-временной аномалии имеет изъян. И не один. А вы получили за нее серьёзный грант, верно? Читал в журнале одном.

– Полмиллиона долларов. И это только половина суммы. В мои исследования готовы инвестировать крупные компании. На эти деньги я нанимаю группы добровольцев. Продолжайте.

Рука у худощавого Кузина дрожала. По измождённому лицу было понятно, что он не блефует.

– Вы допустили слишком грубые ошибки для выдающегося профессора. Настолько серьёзные, что даже я со своим образованием заметил. Ваши просчёты стоили жизням лучшим ребятам. И едва не стоили моей. Моя рука гниёт в земле, меня колбасит, и я больше не могу заработать себе на кусок хлеба.

Профессор забрал стакан с кофе, и щедро плеснул туда односолодового виски. Наконец он вспомнил этого человека. Это ему проф советовал перевести время на пять секунд вперёд.

– Вы выжили во временно́й петле! Это впечатляет! Тогда ваш разговор имеет смысл. Вам выплатят крупную сумму, если напишете подробный отчёт.

– В жопу отчёт! Я пришёл за справедливостью.

– Ах да, за ней. Я понял. Только есть маленькая проблема. Я лично перепроверял все вычисления. Я угробил пять дорогущих дронов, один из которых военный...

– А потом наняли две группы, которые вошли в локацию с разных направлений. – перебил профессора военстал. – И вышел оттуда только я. Я пробыл ТАМ почти сутки, истёк кровью, и если бы не волчья сука, то... И всё из-за вас.

– Я не мог ошибиться. Я вижу это ясно, как белое и чёрное. Восемь лет я писал диссертацию по времени, пахал как про́клятый в этой сраной, выражаясь вашим языком, Зоне, а вы мне угрожаете да ещё обвиняете в некомпетентности? Засуньте ваши подозрения себе в задницу! – вспылил Попов.

– А говорили, профессор – интеллигент до мозга костей! – вымученно ухмыльнулся Кузин. – Ругаетесь. Это правильно. Но вы там не были. Пространственно-временная петля оказалась с сюрпризами.

– Допустим, я неправ. У вас есть подтверждения? Может, вы сознательно вводите меня в заблуждение, чтобы я вам… эээ, заплатил.

– Нет. Вон мои доказательства. Откройте ящик и посмотрите сами. Я нашёл «это» на окраине аномалии. Только предупреждаю, вам лучше перевести часы на пять, нет, три секунды вперёд.

– Зачем?

Кузин тяжело поднялся со стула и шагнул к профессору.

– Думаете, я тут с вами в игры играю? Посмотрите на меня, в кого я превратился? Кусок дерьма. Хватит паясничать, Роман Борисович.

– А если я не открою ящик? Что тогда?

– Откроете. Куда вы денетесь! Вы так долго ждали результатов, что решили засекретить провал и больше к нему не возвращаться. А теперь вам принесли подарок, обёрнутый в красивую упаковку, подарок, который ждали так давно. Все учёные такие! Сто́ит показать вам редкую цацу, так вы сразу ссытесь кипятком от восторга.

Кузин снова сел на стул.

Физик привстал и подошёл к ящику. Роман Борисыч сдвинул защиту с окошка дисплея, активировал се́нсорный экран. Указательным пальцем Роман Борисыч тыкал нужные категории, игнорируя всплывающие уведомления о «незнакомом материале» и «примените Протокол учёного».

«Радиационный фон в норме» – пропищал аппарат на громкой связи.

«Обнаружены бензольные соединения».

«Степень опасности неиндентифицирован. Рекомендуем первый класс по ТБ – базовый».

Сообщения шли косяком. Физика охватил азарт, судя по маниакальному стремлению выжать информацию из встроенного в ящик анализатора. Он нажимал и нажимал, цокая языком и смахивая новые уведомления. Красного и зелёного характера. А Кузин в этом время молчал, думая о чём-то своём.

– Всё-таки решили приберечь на потом? – первым нарушил молчание сталкер.

– Нет, пожалуй, я гляну на…кстати, как вы его назвали?

– «Арахис», хотя он больше похож на картошку. Не поверите, но я его откопал на глубине в пятьдесят сантиметров. Он прятался в земле. Потому и картошка.

Профессор вытер вспотевший лоб ладонью. Невероятно! Ещё никогда прежде он не встречал породу в земле. Мысль, что ему придётся долго изучать этот образчик, приводила его в изумление. Но его взгляд то и дело упирался в сидячего Кузина, который своим появлением спутал все планы. Почему, почему он не пришёл к нему раньше?

– Но вы пришли ко мне не для того, чтобы передать артефакт? И поговорить за жизнь? Зачем тогда?

1.

Их троица – главный ударный отряд, состоящий из «мула», «поводыря» и «блатного» – выбрал правый сектор. Рядовой Левников шёл первым, сканируя пространство детектором и заодно поглядывая вперёд. Нагруженный учёным барахлом Кузин («мул») бодро шагал за ним. Замыкал группу сержант Дыня, который и контролировал всю ватагу, изредка заглядывая в миниатюрную планшетку, где у него находилась карта.

Они вторглись в границы аномалии самыми последними. Капитан разделил группу на две части. Ерёмин с Радистом углубились в лесок, что тянулся на километр редким массивом, остальные забрали правее. Погода не радовала. Вначале Заповедник затянуло туманом, затем, когда дымка растаяла, упала видимость и усилился ветер. Выручали полумаски, разработанные корпоратами из «Теслы».

– Куз! Стоять! Ставим датчик здесь!

Минус пять килограммов, и они двинулись дальше. Где-то в километре от них в пространственно-временную петлю входила другая группа конкурентов. Жадные профессора выбили приличное финансирование на расходы двух рейдовых отрядов, выписав самых опытных бойцов. Тот же Еремин – живая легенда и долгожитель Зоны. Остальные были ему под стать. У каждого третьего – техническое образование

Пока ничего не происходило.

Пространственно-временной аномалией называли большую область размером в несколько десятков гектар на территории Заповедника. Так называли безлюдную территорию, где десять лет назад добывали битумные пески и нефть посредством гидроразрыва. Места опасные и без аномалии, так что приходилось держать ухо востро. В этот раз маршрут прокладывал для отряда рядовой Левников – наименее опытный проводник. Так решил Ерёмин, видимо, руководствуясь, помимо ума, ещё и другими критериями.

– Стоим! Нужно синхронизировать время. Аномалия начала действовать. Заметили, как беснуются стрелки? – менторский тон сержанта Дыни наводил мысль на копирование капитана.

Они по команде съели экспериментальные таблетки для повышения концентрация внимания. И сдвинули наручные гаджеты вместе. Сержант Дыня присвистнул, глядя на показания Кузина. Часы рядового безбожно отстали. Левников, которому обычно доставалось больше всех, предупредительно отошёл в сторонку.

– Рядовой Кузин, ты переводил часы?

– Да.

– В какую сторону? Разбежка в десять секунд – рехнуться можно. Чё это за нах?

– Я могу объяснить! Доклад профессора Попова… я его прочёл.

– Не объясняй. Я вынужден доложить капитану. Помнишь о Протоколе?

– Я знаю.

Последнее слово Дыня проговорил почти скороговоркой. И это совсем не понравилось Кузину. По идее перевод часов на пять секунд вперёд выравнивал погрешность с «петлёй». Почему же тогда движения Дыни ускорились?

Сержант включил рацию. Пять секунд шума – и в эфир ворвался капитан Ерёмин – суровый и справедливый дядька. Он сделал нагоняй Дыне, что вышел в эфир раньше времени, но тот ловко отмазался. Но что странно, сержант не сдал Куза с потрохами. Почему это?

– Погнали, банда! – скомандовал Дыня через повязку. – Куз, ко мне!

Кузин молча повиновался. Он чувствовал себе виноватым за недавнюю тупость. Но зачем Дыне его прикрывать, если они даже не состояли в дружеских отношениях?

– Признайся, бро, ты перевёл время назад. Я не сдал тебя боссу, но ты обязан сказать правду.

Кузин засмотрелся на прозрачное марево в десяти метрах. «Погремушка» молчаливо поджидала группу на тропе.

– Случайно вышло. Виноват.

– Так я и думал. Видишь ли, Кузин, я тебя давно считал тормозом, но сейчас ты тормозишь изрядно. Всё делаешь слишком медленно. Посмотри на Левникова. Он будто порхает бабочкой. Раз-раз, и путь свободен. Похоже, временная хрень пожирает тебя. Не бойся, я за тобой присмотрю. Если что пристрелю, когда будешь совсем плох.

В этот раз Дыня не шутил.

– Я нормальный.

– Тебе это только кажется. Ладно, дойдём до следующей контрольной точки, поговорим. И ты исправишь ошибку.

– Получится ли…

Сержант выглядел злым и возбуждённым. А молчаливый Лёва лишь зыркал зенками, полностью поддерживая сторону Дыни. Против такого давления Кузину оставалось заткнуться и сконцентрироваться на работе.

Но его подозрения подтвердились, стоило понаблюдать за Левниковым.

Рядовой шагал быстрее обычного. Там, где требовалась осторожность, военстал передвигался рывками. Он крутил шеей, как болванчик на пружинке – быстро и отрывисто, не боясь, что сломается. Двигающуюся навстречу бойцам «веретено» Левников прошёл практически впритирку. Дыня, не сводивший глаз с Кузина, уже и сам заметил, что товарищ творит лютую дичь. Никогда так по Зоне не ходят. Окрик Лёве не помог: он оступился на скользкой траве, и едва не завалился набок. Куз бросился помогать собрату, даром что двигался гораздо медленнее обычного. Рядовому пришлось приложить большие усилия, чтобы добежать до оступившегося сталкера.

Никто не заметил впопыхах, как язык «веретена» развернулся на шум и пополз обратно, где на его пути вставал рядовой. Левников коротко вскрикнул, когда чужая сила дёрнула его за рукав, и швырнула в слабенькую «погремушку». Треск костей неприятно взорвал эфир.

Сержант первым бросился к раненому товарищу, и оттёр плечом Кузина. Дыня распаковал аптечку, приготовил промедол. Но он в итоге ничего не сделал. Лева хрипел, а вывернутая шея говорила о тяжёлом переломе шейных позвонков. Он умирал.

С почти голой берёзы сорвался последний жёлтый лист. Он закружился в хороводе над раненым сталкером, дёрнулся вверх, поддаваясь встречному потоку. Медленно-медленно, в отличие от сержанта Дыни.

Пистолет, оттяжка затвора, выстрел. Лева умер прежде, чем лист упал на него, став для военстала реквием от зоны. Жёлтое на грязном-сером.

– Он погиб из-за тебя, – зашипел негромко Дыня, активируя рацию, чтобы сообщить капитану неприятную новость. Всё согласно Протоколу военсталкеров.

Детекторы забарахлили. Затем пропала связь.

Последнее, что услышал Кузин по внутреннему каналу, была непонятная реакция капитана на происходящее. Он мычал в микрофон, бормоча какие-то проклятия, после чего вырубился сразу после Радиста. Помощник кэпа только дышал в приёмник, но, видимо, разучился говорить.

В докладе профессора говорилось, что аномальная область разряжает электронику. Так и вышло. Правда, никто не рассчитывал, что так быстро.

Дыня с Кузиным больше не разговаривал. Колючие глазки сверлили спину в пяти метрах. Сержант определённо винил его в смерти Лёвы, а теперь ещё и себя, что не сдал капитану. Рядовой Кузин пытался оправдаться, что причина не в нём, но Дыня разом пресекал попытку наладить контакт. И более того, заставил Куза тащить на горбу труп Левникова. Хорошо, что в отряде нашёлся сервопривод. Он здорово облегчил ношу сталкера, который тащил на горбу дополнительные пятнадцать килограмм учёного железа.

– Вон то серое пятно на полянке. Это наш сектор. Ставим оставшиеся «болванки» и уходим на «контрольную точку». Она последняя.

– Хорошо.

– Скажи, Кузин. У тебя на все вопросы есть ответы. Вот почему погиб Лёва? Знаешь?

Кузин едва разобрал скороговорку Дыни. Слова рвались наружу пулемётной лентой – неразборчиво и очень быстро. Неужели сержант не видит трансформации вокруг него? Аномалия исказила показания, а синхронизация не помогла, только усугубила проблему. Никто не придал этому значения. Даже осторожный Ерёмин.

– Знаю.

Дыня замер и молниеносно ударил того в лицо.

– Какого хера ты промолчал, когда сверяли часы. Левников видел «веретено», сто процентов, да и все видели. Да, она двигалась, но траекторию просчитать хватало ума. Но он махал руками, как грёбаный пловец, носился по полянке. И это в Зоне. Теперь я двигаюсь так же. Вот ты, сучонок, будто плаваешь в желе. Как это понимать?

– Это вышло случайно. Я ничего не знал, так же, как и ты. Я додумался только пару минут назад. – сказал Кузин быстрой речёвкой, копируя Дыню. Он мысленно порадовался, что не снял маску, которая смягчила удар в нос.

Липкое ощущение собственной ничтожности окончательно прибило Кузина. Как можно так ошибиться, когда остальные выполнили приказ в точности! Но не Кузин. Это непрофессионально как минимум, а он ведь военстал – спец по Зоне. Им всем говорили, что время в петле протекает иначе, чем на самом деле. И синхронизация – это проверка изменений касаемо реального положения дел относительно само́й аномалии. Сверка секунд давала

представление о скорости реакции группы на внешнюю угрозу. Тогда почему при сверке часов у сталкеров оказалось разные числовые значения, хотя все проделали один трюк, кромеКузина? Что если относительность времени заключается в относительности отдельного объекта, а не группы объектов. Отсюда и разбежки в показаниях! Аномалия по-своему воздействует на каждого. И этим можно объяснить ускорение Дыни.

Последние слова потухли в череде выстрелов неподалёку. В леске устроили пальбу. И на этот раз довольно интенсивную,

– Йоп! – воскликнул Дыня. – Оставайся тут, а лучше двигай вон к обозначенному маркеру. Я на помощь к кэпу. Встретимся в опорной точке.

– Не иди туда. Это нарушение Протокола. Капитан справится сам.

– Пофиг. Десантура своих не бросает. Не ссы и выполняй работу. Я вернусь.

Неугомонный сержант мелкими перебежками рвался на выручку к Ерёме, как называли за спиной командира. Пальба не прекращалась. А ведь капитан с Радистом схлестнулись вовсе не с мутантами. Судя по канонаде, у одного из напавших был пулемёт.

Задумчивый Куз проморгал вспышку, и по колено провалился в вязкую жижу. Рука Левникова шлёпнулась в воду, обдав ходока брызгами. Серое мутное пятно оказалось островком грязи, вокруг которой поросла желтоватая трава. Рядовой растёр каплю вязкой жидкости перчаткой, понюхал её. Удивлению его не было предела. Грязевое пятно состояло из нафты и воды, образуя почти ньютоновскую жидкость с характе́рной плёнкой на поверхности. Кузин попытался вырваться из плена, однако у него ничего не вышло. Левников весил прилично, и даже через сервомышцу тяжесть была существенной.

Сталкер недолго размышляя, бережно спустил труп на землю. И аккуратно высвободил вначале левую ногу, затем правую. Жижа не хотела его пускать, с противным бульканьем оказывая сопротивление. Кузину стало понятно, почему это сектор на карте назывался Грязевым озером. Чуть поодаль были и другие островки.

Стрельба раздалась снова. Правда, она тут же затихла, как и началась.

Рядовой глянул на холм, куда ушёл сержант. Но его спина давно исчезла в зарослях.

Он вернулся за «болванкой», брошенной Дыней, и вертикально установил её прямо в жижу логотипом «Тесла» к себе. Она была последней. Нажав на кнопку активации, Кузин обратил внимание, как дрожат стрелки на механических часах, которые двадцать минут назад перевёл на пять секунд…в обратную сторону. Хотя капитан приказывал ровно наоборот.

Почему тогда в пояснительной записке от профессора Попова этого не было? Старик ошибся, когда говорил, что время в аномалии течёт медленнее?

После додумает. Сейчас на это не было времени.

Кузин взвалил ещё не остывшего Левникова на плечо, и потащил его на точку выхода, выполняя приказ.

3.

Грязевое озеро не хотело его выпускать. Он протопал минут пять, увязая в плывунах, и изрядно выдохся. Кузин давно закурил бы, но сигареты закончились еще на базе. С собой брать курево командир настрого запретил. Только сталкер не видел больше ни командира, ни Дыню. Что с ними стало?

Его ноги изрядно промокли от влажного грунта. Стоило зазеваться, и вязкая жижа выступала из травы и засасывала в утробу. Хорошо, что несильно. Иначе без посторонней помощи Кузин не выбрался бы.

Точка выхода маячила всего лишь в двухстах метрах. Кажется, там заканчивались границы пространственно-временной аномалии. Так называлась она в докладе профессора Попова – самого авторитетного и маститого учёного. Это он давал последние указания на базе, перед тем как сталкеры отправились в рейд. Только его советы убили Левникова.

Кузин опустил ненавистный ему труп на землю. Колючий поток воздуха швырнул в ноги пожухлую листву и лёгкие веточки, разметал по подозрительной полянке. Следы позади уже затягивала проступающая водичка с характерным бензиновым привкусом.

А говорили, в этой части Зоны нет ничего! Как бы не так! Нефтяные пески со следами чёрного золота – яркое тому подтверждение.

Военстал осмотрелся и понял, что выбрал не лучшее место для привала. Грязь и жижа со следами нафты наваливалась на ботинки, вызывая только рвотный рефлекс. Выругавшись, рядовой шагнул в сторону, переступая через поваленную не то берёзу, не то осину. Дойдя до твёрдого места, куда озеро недотягивалось, он с облегчением сел на землю.

Труп Левникова напомнил ему об обязанности заботиться о павших товарищах. Он его все-таки бросил на произвол судьбы. Но идти за ним у Кузина не осталось никаких сил, да и желания тоже.

Он стянул со спины рюкзак. Запасные батарейки нашлись в маленьком кармашке. Рядовой хотел оживить детектор да и обновить показания Гейгера не мешало. Вдруг это место заражено!

Писк красным детектора смутило его ещё сильнее, чем дёргающаяся стрелка на механических часах. Кузин выключил его, подождал полминуты и снова врубил. Сильный вибросигнал ошарашил его. Похоже, где-то на этом пустыре прятался артефакт, если прибор не сбоил. Интересно, где?

«Не время играть в сталкеров!» – подумал Куз, ошалело рыская взглядом по заболоченной местности. Но избавиться от старых привычек, когда ты почти три года колесил по аномальным местам и зарабатывал на домик у речки, никак не получалось. В один прекрасный момент охотничий азарт вырубал инстинкт самосохранения, включая на полную катушку любопытство – неотъемлемую часть любого бродяги.

Кузин вырубил детектор. Прибор, похоже, врал. Что тогда происходило с часами? Минутная стрелка то и дело норовила выскочить из циферблата. Она дрожала на месте, будто пыталась что-то серьёзное сказать. Рядовой, недолго думая, отщёлкнул от «двенадцатого» магазин, и выковырял оттуда три патрона. Он подбросил вверх первый боеприпас. Стрелка задрожала сильнее.

– Чё за муйня? – пробормотал военстал.

Куз пошлёпал влево, в сторону лежащего Левникова.

Стрелка перестала дрожать и вернулась на своё место. Теперь она двигалась по кругу с привычной скоростью. Тогда рядовой снова подбросил патрон. Он упал в воду с противным шлепком, окропив ноги.

Куз вернулся на прежнее место. Конический кусок сплава металлов взлетал в воздух снова и снова. Патрон при этом падал гораздо медленнее, чем приземлялся в пяти метрах отсюда. А сталкера интересовал именно скорость падения предмета. Последний аргумент в виде вновь включённого детектора аномалий поставил жирную точку в исследовании.

Артефакт действительно существовал. Сконцентрировав своё внимание на циферблате дорогих швейцарских часов, Кузин принялся ползать по всему полю. Спустя пять минут он определил возможную область ареала артефакта – кусок мокрой земли с диаметров в три метра. Именно в этом месте были самые сильные колебания. Разрытый грунт будто приглашал проверить, прав он насчёт артефакта, или это происки Зоны.

В голову лезли самые бредовые идеи. Но Куз всё же снял с чехла лопатку и вонзил в жирный чернозём.

Копал он медленно. Детектор больше не включался, да и сталкер забыл о нём вовсе. Куз прощупывал почву при помощи выставленной ладони. Дедовский способ поиска артефактов прекрасно работал! Там, в земле, пряталась порода, которая ждала своего папочку. Через грунт от неизвестной породы исходило тепло. Вот бы увидеть рожу профа, когда он сунет ему под нос земляной арт и с чувством эксперта скажет, что Роман Борисыч дилетант.

Артефакт! В земле! Немыслимо!

Всё, что он знал о Зоне, можно смело отправлять на свалку истории. Куз не поверил, когда кругляш с ямочками чуть ли не взлетел вверх. Облепленный влажной почвой, с нафтовым налётом «арахис» выглядел в его глазах священным сокровищем.

Невероятным и неизвестным науке! Никто ещё не вытаскивал из недр земли артефакты, как обычную картошку.

Его руки дрожали. Кузин понимал, что нарушает ТБ при работе с артефактами, но плевать он хотел на безопасность. Тёплый овал с отверстиями ласкал взгляд, а застоявшаяся кровь закипала в жилах. Как такое возможно вообще, не умещалось в голове у военстала.

Он бережно опустил его в контейнер, который носил любой военстал с собой. Куз успокоился, когда артефакт поглотила фольгированная чернота внутренностей герметичного ящика. Жаль, что у него не было времени определить свойства материала, но для

этого и существовали учёные. Впрочем, одно он уже выяснил. Артефакт замедлял время внутри петли. Секундная стрелка замирала на месте, когда овал с нафтовым запахом находился поблизости. Несильно, но воздействие было.

Теперь оставалось дело за малым. Уцелеть. Иначе его открытие так и сгинет вместе с ним.

Военстал распрямил плечи, намереваясь покинуть рыбное место. Он вспомнил о трупе. Но Левников исчез. Похоже, его тело подтопило озеро, а места Кузин не запомнил. Только направление. Подумав немного, Куз решил оставить труп. Идти налегке куда проще, чем с пассажиром-обузой.

4.

Бойцы Ерёмина не явились на «контрольную точку». Сталкеры-конкуренты – тоже. Логика подсказывала Кузину, что пальба произошла не случайно рядом с сектором второй группы. Напрашивались худшие предположения.

Положение Протокола советовало отправляться за подмогой или выжидать до последнего. Но ни в коем случае не предпринимать поисковые мероприятия в одиночку. Даже когда среди исчезнувших – спецы из отряда особого назначения. Только при наличии выживших свидетелей корпорация оплачивала неустойку за провальную экспедицию, даже при отсутствии фото и видеоматериалов.

Кузин колебался. Ерёмин и компания давно стали частью его жизни, чтобы отправляться на поиски. У военных сталкеров, работающих по найму, ещё сохранялось наподобие братства, когда каждый боец – важен, невзирая на погоны и статус. Но у Куза был веский аргумент, чтобы не торопиться.

Он пытался понять петлю времени.

С громким треском из канавы выбрался мутант. Ну как, мутант. Матёрый волчара. Он ощерил зубы, намереваясь прыгнуть и разорвать горло горе-человеку. Но этого не случилось. Присмотревшись, Куз обнаружил, что перед ним стояла та самая волчица, которой он три дня назад вытащил пулю из бока и поил водой. Какие-то двуногие твари расстреляли лесного жителя и вдобавок сожгли волчий выводок. Парни капитана волчицу пощадили и оставили в покое, а она в отместку пошла за ними в опасную область.

– Пшла вон! – опустил оружие сталкер. Ещё и животных тут не хватало. Кузин, как и другие военсталы, не убивали неагрессивную фауну.

Волчица показала зубы, после чего заковыляла обратно в канаву.

Спец собрался было уходить, но волк от него не отставал. Сука показалась на глаза опять и на этот раз сердито рыкнула. Она звала за собой, будто пыталась ему кое-что показать.

«Иди за мной!» – пролаяла зверюга на волчьем языке.

С открытым ртом Куз поднялся на насыпь высохшей канавы. Ему стало любопытно, чего от него она хочет?

Волчица, глянув, идёт ли сталкер за ней или нет, поковыляла по засохшему руслу. Чертыхаясь, сталкер спустился. Зверь пропал.

Только проросший ивняк покачивался поодаль.

Он осторожно ступал по подножию канавы, глядя под ноги. И чётко видел маленькие звериные отпечатки. Неужели волки научились мимикрировать?

Следы оборвались у небольшого валуна за ивовой порослью. С ужасом сталкер отшатнулся от прозрачного марева. Ещё немного, и он дотронулся бы до него. Но марево не походило на известные ему ловушки. Не тот фасон и профиль совсем другой.

Следы вели именно туда. А обойти волчица препятствие никак не могла.

Осторожный Кузин расчехлил лопатку и бросил инструмент в подозрительное место. Он провалился в марево и исчез. Куз услышал только шум падения о грунт, но лопаты не видел.

Затем он отправил туда бесполезный детектор. Звон падения о металл развеял его подозрения. Оставалось только самому проверить, что это за дрянь такая, в котором исчезали предметы.

Куз зажмурился и приблизил свою руку. Она вошла в марево как в густой кисель. Раздался громкий хлопóк. Белая резь ударила в глаза, в ушах зашумело, а на Куза навалилась странная тяжесть. Его будто зажали в тиски, а на череп надели стальной обруч.

Носком стопы сталкер задел саперку. Рядом лежал детектор. Он не растворился в пространстве. Это аномалия искажала картинку. Впрочем, легче Кузину не стало от такого объяснения. Хватило и хорошего университетского образования. Главное, его не размазало по стенкам канавы, и кровь не брызнула из глаз, как в блокбастерах.

Рядовой подобрал барахло. Следы волчицы чётко виднелись в песке. Он глянул на циферблат часов.

Удивительно, но в этот раз его часы работали в обычном режиме. Показания механизма были чёткими и не заторможёнными. Видимо, в этой точке пространства аномалия не искажала время, не убыстряя и не замедляя его. Зато что-то невероятное происходило с пространством. Он схлопывалось прямо перед носом, меняя пейзажи один за другим. Он не помнил, когда выбрался из канавы, как за спиной оказалось трёхголовое дерево. Тропинка, ограниченная давящей тяжестью сверху, вела его к злосчастному леску своим маршрутом. Неизвестная сила будто проталкивала его через узкую нору, или тоннель, где постоянно требовалось держать голову пониже.

Куз перехватил оружие поудобнее.

Он прошёл мимо сосны и – упал в обрыв.

На дне старой воронки чуть поодаль лежал капитан Ерёмин. Ветеран лежал на земле и пытался окровавленной рукой вытащить из кобуры пистолет. А на него надвигался вооружённый боевик, в чьих руках Куз заметил огнемётную систему.

Куз рванулся в сторону. Давящая сила, контролирующая его перемещения, ослабила хватку яркой вспышкой и резью в глазах – он вывалился из изменённой реальности в настоящую.

Военстала тяжело и натужно вырвало. Летающие мушки едва не свели его с ума, но не это вырубило Кузина.

А громкий ход часового механизма, на который вновь воздействовала аномальная петля.

Секундная стрелка ползла в этот раз значительно быстрее, чем было до этого. Куз вытер рот и тут же поспешил перевести время на пять секунд назад.

Не помогло. В этой части Зоны петля действовала иначе. И Куз ещё не разгадал как. Но собраться с мыслями ему не позволил противник.

Его движения услышали. Огнемётчик выстрелил кумулятивной струёй в его сторону, и почти угадал направление. Горячее пламя обожгло брови Кузу, заставила вжаться в грунт и жрать землю. Ну а дальше он не оставил бойцу конкурента никаких шансов.

Штурмовик Куз побывал в сотнях подобных перестрелках, чтобы пасть жертвой неумного огнеметчика. Пули из калаша подловили

нерасторопного врага у злосчастной сосны рядом с обрывом. Он двигался слишком медленно для быстрого Кузина.

- Бэнг, бэнг, бэнг, – очередь развернула чужого сталкера, прошила комбинезон и слой кевларовых плит. «Бэнг» – и его рука окрасилась «красным». Боевик замер, и больше не двигался.

А Куз тяжело дышал.

Ерёмин лежал в десяти метрах. Труп Радиста с простреленной головой нашёлся рядом с пнём мутососны. Дыню Куз не обнаружил, но наверняка его конкуренты тоже «задвухсотили».

– Кэп! Погодь, не умирай. Это Кузин!

Под капитаном изрядно натекло. Экспансивная пуля, судя по раскрытой ране, разворотила рёбра. Кэп дышал тяжело. Два использованных шприца говорили, что сталкер пока ещё держался.

– Кузин, ты?

– Я!

– Подыхаю я, сук!

– Не говори так, Еремин. Щас раны обработаю и всё нормально будет.

– Противник слишком быстро двигался. Я ничего не сумел сделать…как…больно.

– Но почему? Почему вы стреляли друг в друга?

– На них кто-то напал. Быстрая и ловкая зверюга раздербанила одного ублюдка как курицу. Кровища лилась фонтаном. А затем я увидал за тем пнём, где леж….ит Радист, ох, ох, женщину.

– Женщину, какую женщину, капитан! Говори, кэп, говори!

Жизнь покидала капитана. Обезболивающее больше не действовало, и его закидывало назад. Кузин как мог пытался облегчить страдания товарища, но всё впустую.

– Она была тут, Куз….- голос командира стал едва слышимым. – Страшная, жуткая. Один глаз чёрный, на втором – белое бельмо. Такую не чтобы трахать, даже смотреть противно было. У нее была лопата. И вот стоит эта бабища позади Радиста, а я ору, чтоб обернулся. Но Радист тупой, хер услышал. Она поднимает лопату прямо над головой бедняги, а я… я….целюсь…и..ик.

– Капитан!

По лицу капитана потекла слеза. Он вздохнул в последний раз и испустил дух прямо на руках у своего подчинённого.

Рядовой погладил его по голове.

Скрип оружия вернул его из прострации. Огнемётчик, как оказалось, не сдох.

Он лежал у сосны, окровавленный, но живой. И целился в удобную, не двигающуюся, мишень, да ещё сверху. Уставший Куз не сопротивлялся. Он глядел в злые глазки напротив, мечтая лишь о том, чтобы наконец этот дурацкий день закончился.

Огненный вал накрыл Ерёмина, обволок жидкой смесью руку Кузина, который смотрел на стремительно бегущую стрелку в своих механических часах. Он не видел, как жуткая волчица прыгнула на огнемётчика, и тот от боли отправил огненный заряд чуть правее. Только чувствовал, как стремительно падает в глубокую яму, задыхаясь от запаха горелой плоти и дыма.

5.

– Кэп! – голос нескладного Радиста отвлёк капитана от карты на интерактивном планшете. Он подробно объяснял Дыне – своему сержанту, куда стоит совать зад, а куда нет. В Грязевое пятно– можно идти, на восток – категорически нельзя. Группа конкурентов там сама поработает. Иначе выйдет конфликт интересов.

– Чего тебе, Радиохам? – буркнул Ерёмин, который категорически не приветствовал, когда его отвлекали от важного дела. Разбор секторов – что может быть важнее. Только биологическая или психическая угроза.

– Там какой-то писк. И шорохи в кустах. Нужно посмотреть.

– Отряд, занять круговую оборону!

Все быстренько расположились. Капитан прислушался, остальные бойцы – тоже.

– В натуре, кто-то пищит. Радист, Кузин! – выдернул он из банды двух рядовых. – Быренько сгоняйте на погост, гляньте, кто там свистит. Только не навалите в штаны, оставьте место для пространной петли, или как она там обзывается.

Сказано – сделано.

Кузин с радостью отправился в разведку. Он не любил большую толпу. Вечные подколы, шутки с бородой, жалобы бабские. Лучше бродить по Зоне парой. А Радист – не самый плохой вариант.

Писк повторился за порослью можжевельника.

Они разделились. Куз взял лево, Радист – справа. Выставив перед собой автоматы, люди обогнули остов сгнившего трактора, под которым лениво щёлкала разрядом «контактная пара», и шагнули в жиденький лесок.

Писк. Шаг, второй, остановка. Куз жестом показал товарищу, чтобы сблизился и прикрыл спину. Он негласно взял на себя первый номер – самый рисковый. В случае чего мутаген бросится на ближнего человека, если он, конечно, не один.

Последующее рычание заставило сталкеров напрячься и отступить. Но на них никто не напал.

– Отбой, Радист. Это всего лишь волк.

Но Куз ошибся. Не волк, волчица, вдобавок раненная. Правый бок её потемнел от крови. Было видно, что в неё стреляли. Она лежала на боку, высунув шершавый язык, а вокруг неё бродил маленький щенок, который периодически обеспокоенно тявкал.

В ответ Куз услышал тонну мата. Ерёмин категорически запрещал стрелять в живность, если та не проявляет агрессию.

– Чё будем делать, Кузин?

– Через плечо. Спасать будем. Мы же люди, не сволочи какие.

– Ну ты, доктор Айболит! Вот уж и не думал.

– Осмотрись вокруг, может, ещё есть кто! – приказал Кузин напарнику.

– Ок.

Радист шумно пробрался в заросли. А Куз наклонился к суке.

Она смотрела на него с пониманием и некой человечностью, будто догадывалась, что хочет сделать этот человек.

– Я посмотрю рану. Не ешь меня, пожалуйста! – попросил Кузин, перемещая оружие за спину.

Сука выжидательно закатила глаза. Щенок, почуяв неладно, отпрянул, и угрожающе зашипел, но волчья мать успокоила его тявканьем.

Провозившись с минуту, кузин извлёк из раны раскрытый кусок металла величиной с пятикопеечную монету. Экспансив. Теперь сука смотрела с благодарностью и пониманием. Казалось, это Зона смотрит на него зелено-жёлтыми глазами.

– Але, Куз, сюда!

Сталкер быстро засеменил в сторону Радиста.

– Посмотри, что они натворили.

На полянке побольше бойцы увидели тела других волчат. Шерсть на них полностью сгорела, а кое-где проступали белые молочные кости. Щенят зажарили, как шашлык в воскресный день.

– Гребаный фашисты! – сказал тихо Радист.

– Нелюди! – согласился с ним Куз, активируя рацию.

В тот день они так никуда и не вышли. Грозовой фронт не позволил. Только на третий день военспецы по Зоне смогли добраться до точки назначения.

Странно, почему Кузин вспомнил это именно сейчас. Обычно в такие мгновения жизни думаешь о своих близких, о моментах, когда тебе было легко и приятно. Но не Кузин.

Мыслями он находился в аномальной зоне.

Рядовой ясно видел, как под действием морока капитан случайно застрелил Радиста. Как тот, падая, выпустил длинную очередь в «молоко», чтобы в ответ получить бессмысленную и беспощадную канонаду от конкурирующей группы, что оказалась не в том месте и не в то время. Беспощадная аномалия выкрутила всем бойцам мозги, превратив одних в медленных улиток, а вторых – в быстрых гепардов. Расчёты профессора оказались ложными, и стоили не только сотни тысяч баксов, но человеческих жизней. Спасся лишь Кузин – сталкер, который лажанул на старте этой экспедиции.

Гангрена добьёт его. Или болевой шок. Разве что волчья мать выведет его к людям.

Он не удивился и тогда, когда оскал серого хищника над собой сменило жуткое женское лицо. Один глаз – чёрный, а вместо второго красовалось белое бельмо. Зона отзеркалила Ерёмину эту девушку благодаря парадоксу пространственно-временной петле. Жаль, что он интерпретировал это иначе.

– Дед, ходи сюда. Тут обгоревший человек, – девушка наклонилась и ласково дотронулась до его горячего лба.

5.

– И всё-таки, профессор, я вам ничего не скажу. Перетопчетесь. Случившееся стало слишком личным, чтобы вываливать на чужие уши этот сюр. Однако вы должны кое-что сделать для меня. В память о ребятах и одном одноруком ветеране.

Кузин говорил загадками. Профессор, подумав немного, щёлкнул контейнером. Нарушать Протокол, так с музыкой.

Заляпанный нафтой артефакт действительно оказался похож на «арахис». Невероятно! Даже если он не обладает никакими свойствами, плевать. Уже этот фактор – огромный прорыв в изучении Зоны.

– Так что вы так сказали. Личное…

– Вы меня даже не слушаете. – обиженно засопел калека. – А я, между прочим, собираюсь вам выдвинуть ультиматум.

Профессор Попов поморщился. Ему никогда не нравилось это слово.

– Мне? Ультиматум? Интересно. И что вы хотите? Миллион долларов? Слышали историю о 30 миллионах?

– Читал о ней, сидя в сортире. Обычный фейк. Но я не собираюсь заниматься шантажом. А деньги меня не интересуют. Я лишь хочу, чтобы вы, уважаемый профессор, которого я действительно считаю светилом, а не чертилой, извинился за свои косяки. Не передо мной. А публично, на камеру. Можете зачитать с бумажки, что, мол, я дурак, не смог сделать простые вычисления и потому прошу считать мою работу лажей. Скажите учёным-друзьям, что не знаете арифметику.

– Не многовато ли чести? Я не собираюсь марать репутацию из-за просчёта в работе. Я рискую карьерой. Я давно засиделся в Зоне, и собираюсь на повышение, а тут вы просите провести стрим с признанием. Проще застрелиться, а лучше застрелить одного свидетеля, который явился ко мне с дурацкими просьбами. Тем более, вы мне не сказали, где ошибка.

– Извините, можно кофе, как у вас?

Профессор встал и включил кофемашину. Привычно выбрал латте, два сахара, добавил коньяк. Сталкер его тепло поблагодарил.

– Знаете вы всё. Время в аномалии кажется ускоренным. Если перевести часы вперёд на пять секунд, то относительно субъекта оно ускорится в два раза. Все, что вы делаете, для меня покажется быстрым. Икс плюс икс равно два икс, верно? Вы же это советовали перед рейдом. Я же по ошибке перевёл стрелки назад на пять секунд…

– Икс минус икс равно ноль. – добавил задумчивый профессор.

– Верно. Но это ещё не цветочки. Аномалию вы не зря назвали петлёй. Она искажает время неравномерно. Если зайти в неё с

противоположной стороны, то нужно действительно добавлять дополнительный икс. Пять секунд форы. Иначе произойдёт трындец. Как с группами, которую вы давно похоронили в бумажных отчётах.

Роман Борисович встал и опёрся на стол. Стакан с допитым кофе жалобно звякнул стеклом о чайную ложечку.

– Может, я вам хочу предложить миллион. Вы заслуживаете этих денег. А с опровержением пока повременим. А ещё могу вам предложить протез. Бесплатно. Есть связи у меня. Корпораты меня в задницу целуют и предоставят десяток протезов, если захочу. Но не просите меня устраивать показушное извинение. В научном мире так не принято.

– Вы настолько боитесь утратить авторитет. А есть ли он у вас? Или кишка тонка?

– Нет, рядовой! Дело в другом. И вы прекрасно знаете, о чём я. Я уже не могу отступить, даже если захочу. Мне не позволят. Деньги – всему виной. Как не позволят вам спокойно подохнуть в местном баре от цирроза печени. Я поэтому и хочу вам предложить сделку. Двести тысяч наличными прямо сейчас, остальное – на криптокошелек. От вас потребуется только исчезнуть, да побыстрее.

– Звучит как ультиматум.

– Нет. Это гуманизм и партнёрство. Вы молчите, я молчу, а правду – нахрен!

Сталкер отпил латте, полупустой стакан поставил на стол.

– Значит, вас не устраивают мои требования?

- Увы!

Однорукий Кузин пожевал губами и критично осмотрел жилет смертника. Роман Борисович не стал ничего добавлять к разговору, выжидая, чем в итоге всё закончится. Он выдвинул ящик стола, нащупал ручку и листок бумаги. Словно невзначай проф дотронулся до заряженного Глока, проверяя, на месте он.

– Хорошо. Тогда мне остаётся пойти на крайние меры. Ставлю свою жизнь на кон, раз вы не хотите извиниться.

– Я предложил вам деньги, много денег!

Сталкер вскочил со стула. Стакан с кофе грохнулся на стол, заливая сладким напитком бумаги профессора. Тот вздрогнул.

– К чему деньги калеке, который вот-вот отбросит кони. Я уже давно мёртв, в моральном смысле этого слова. Придя к вам, я искал

толику сострадания, и каплю уважения. Заслужил я этого? По вашим меркам, нет. Вы даже сейчас, находясь в компании психа, вы делите людей на второсортный навоз и благородных господ. Понятно, к какой категории вы относите меня. Я для вас всего лишь инструмент для исполнителя желаний, в данном случае, ваших. И раз договориться не вышло, то получайте мой настоящий ультиматум. Время снять маски, профессор.

Кузин нажал кнопки на поясе. На крошечном табло вспыхнул таймер.

Три минуты.

– Работает.

– Вы сумасшедший! Остановите это безумие. Иначе погибнем.

– Легко. – вскричал Куз. – Только вначале уберите отсюда персонал, на всякий случай.

Дрожащими руками профессор активировал громкую связь.

– Внимание! Обнаружена изотермическая опасность. Просьба персоналу покинуть модуль, и собраться на улице подальше. Протокол номер 45, часть вторая.

Больше добавлять он ничего не стал. Отключился и был таков.

– А теперь переводите часы, профессор. Теперь моя жизнь зависит от вашего умения учиться на чужих ошибках.

Военстал положил на стол пульт.

– Ровно через две минуты система запросит добавочное время. Если вы введёте правильное число, то я встану и уйду прочь. Но если вы ничего не введёте или ошибётесь, то станете частью нового бытия. Как и я. Мне на свою жизнь наплевать, а вам?

– Думаете, я поведусь на этот блеф?

Профессор достал из ящика пистолет и приставил к голове Куза.

– Блокируй заряд. Быстро!

– Не могу. Он запрограммирован только на две команды. Не понимаю, отчего вы так всполошились. Вы такие статьи пишите, и тут пасуете перед простой арифметикой.

– Отключай всё, считаю до трёх!

– Не подумаю.

Сталкер улыбался. В карих глазах плясали издевательские искры. Он не шутил, ни тогда, ни сейчас.

Борисыч швырнул пистолет на пол. Таймер отсчитал полторы минуты.

Сталкер улыбался.

– Думайте, а я пока закурю. Сто лет не курил.

Он сграбастал со стола пачку красного Парламента, щёлкнул зажигалкой.

Профессор тяжело плюхнулся на кресло.

Воцарилась неловкая тишина, которую изредка нарушало прерывистое дыхание военстала с сигаретой во рту. А ещё настенные механические часы.

В этот раз они отставали. Только не на пять, а на три секунды. А проклятый сталкер заставлял его перевести на три секунды вперёд…

Проф сбросил входящий вызов одного из охранников.

0.59.

Он вскочил, перевернул стул, так некстати попавшийся в ноги.

0.52

Время ускользало от него с молниеносной быстротой. Часы тикали все громче, приближая тот самый момент икс.

Добавить три секунды на таймере или отнять. Вот в чём вопрос?? А может и вовсе не трогать. Бред, форменный бред. Но тротиловые вставки на жилете были выразительнее любого другого доказательства.

0.43

Сталкер курил. Пунцовый огонёк сигареты пожирал её сантиметр за сантиметром. Горький дым со свистом улетал в вытяжку. Профессор думал, глядя на затёртый до дыр бестселлер Орехова.

Время относительное. Оно действует на каждого по-разному. Для одних людей оно останавливается, для других уподобляется краткой вспышке. У временной петли похожий эффект, с той разницей, что эффект восприятия более сильный. Артефакт, который Попов достал из контейнера, похожим образом воздействует на временные рамки. «Арахис» - замедлитель. Значит, для профессора время течёт медленнее, так как артефакт замедлил его. Стрелки на больших часах не врут.

0.23.

Нужно добавить ровно три секунды. И тогда всё получится.

Или нет? Нет?!!!

Да!

Три секунды вписываются в парадокс временно́й петли. Артефакт же на столе искажает ход событий. Часы не врали.

Восемь секунд…Семь…

Почему он так в себе уверен, этот калека, потерявший несколько месяцев назад друзей и руку? Неужели не боится погибнуть?

Пять секунд…

Роман Попов быстро добавил три секунды и откинулся на спинку кресла. Он всё сделал правильно. Весь этот розыгрыш был изначально задуман, как блеф, дешёвый и пафосный.

Сталкер улыбался. Сигарета оживила его, морщины сорокалетнего мужика сгладились, и теперь он не казался загнанным в угол несчастным человеком даже с пустым рукавом.

Профессор физики взглянул на артефакт, представив, как снова возьмёт его в руки, прогонит через все аппаратные возможности. И тут его посетила маленькая мысль.

Сталкер напротив уже доставал этот артефакт. Для него время замедлилось ещё раньше. А из контейнера породу вынул уже профессор. Значит, по отношению Кузина время замедлилось в два раза! Значит…

Роман Борисович с ненавистью взглянул на улыбающегося чему-то военсталкера. Сигарета на том конце доползла до фильтра. Часы на стене на секунду другую замерли, и, дрогнув, затикали дальше. Кузин без спроса взял книгу Орехова со стола, раскрыл на сотой странице.

На счётчике таймера застыли стройной шеренгой четыре нуля.